

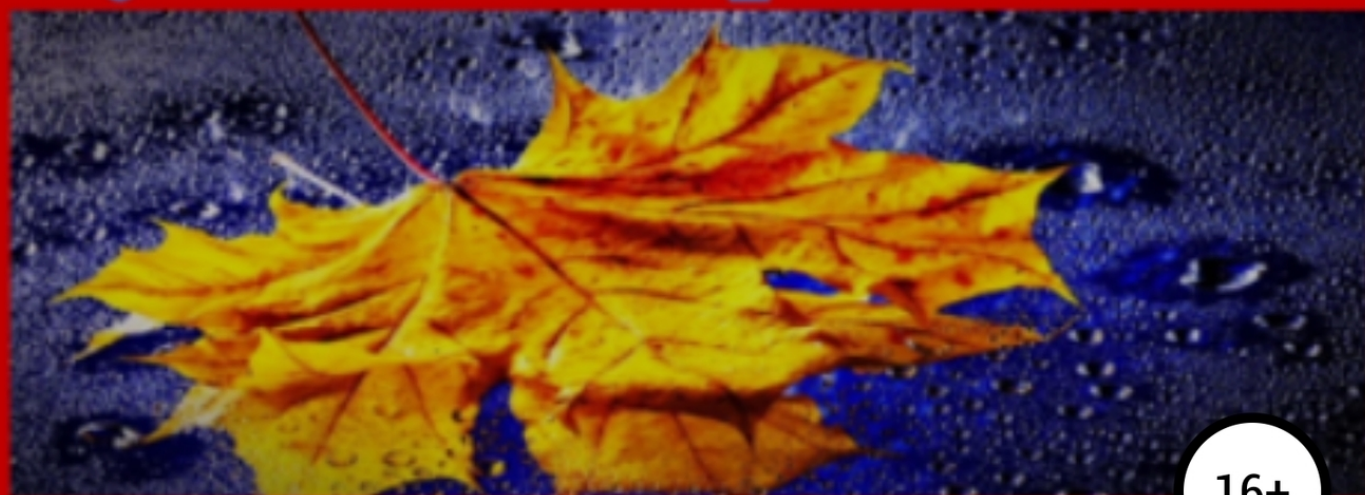
Вадим Ангаров

Взгляд в прошлое

Книга 2 На краю

Руси обширной

16+

Вадим Ангаров

**Взгляд в прошлое. Книга
2. На краю Руси обширной**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ангаров В. Н.

Взгляд в прошлое. Книга 2. На краю Руси обширной /
В. Н. Ангаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-09881-7

Вторая книга — «На краю Руси обширной» содержит очерки и рассказы, навеянные мне воспоминаниями детства, отрочества и юности. Они охватывают период с 1949 по 1961 год (от 6 до 17 лет). В это время я жил в городе Уральске — центре Уральской (Западно-Казахстанской с 1932 года) области в среде Уральских казаков. Здесь, наряду с семейным воспитанием, под влиянием самобытной и своеобразной культуры и образа жизни уральских казаков, которые в большинстве своём являются староверами, проходило моё становление как личности.

ISBN 978-5-532-09881-7

© Ангаров В. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Книга 2	5
Глава 2 На краю Руси обширной.	5
Уральск.	7
Как дед Митрич меня плавать учил.	8
Оружие уральских – пацанов и цыганский табор.	11
Один день уральского пацана	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Книга 2

Глава 2 На краю Руси обширной.

**На краю Руси обширной,
Вдоль Урала берегов,
Проживают тихо, мирно,
Войско кровных казаков.
Песня Уральского казачьего войска**

(Фото из личного архива автора)

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках книгу вторую «На краю Руси обширной» из общего сборника – «Взгляд в прошлое». Она содержит очерки и рассказы, навеянные мне воспоминаниями детства, отрочества и юности, но образы, представленные там, с одной стороны взяты из жизни, а с другой являются, всё–таки, собирательными. Они охватывают период с 1949 по 1961 гг. (от 6 до 17 лет). В это время я и моя семья жили в городе Уральске – центре Уральской (Западно-Казахстанской с 1932 г.) области в среде Уральских казаков, здесь прошло моё детство, отрочество и начало юности. Здесь, наряду с семейным воспитанием, под влиянием самобытной и своеобразной культуры и образа жизни уральских казаков, которые, в большинстве своём, являются староверами, прошло моё становление как личности. От уральских казаков я – пацан, получал первые уроки взрослой жизни: что такое честь и почему её надо беречь смолоду, что – хорошо и, что – плохо. Узнал цену подлости и предательства и понял, что есть

настоящая дружба и настоящая любовь и почему Бог должен быть в Душе, а не на словах, почему «жить надо – по совести».

Уральский казак «дед Митрич» научил меня плавать «не хуже чехни» (рыба – чехонь) и ещё многим премудростям повседневной жизни. А уральский казак из Трёкино – «дед Егор» учил меня, как нужно относиться к природе и заложил в мою молодую голову простые, но глубоко философские начала, как я сейчас понимаю, отношения к природе, к людям и обстоятельствам жизни, которые сопровождают нас – пока мы живём. Тогда же началось моё увлечение рыбной ловлей и охотой, которое сопровождает меня всю жизнь (все отпуска провожу на охоте и рыбалке – география обширнейшая – изъездил весь Союз и частично Европу). И на склоне лет я понял, почему я считаю Приуралье (земли, примыкающие к реке Урал в среднем и нижнем течении) – моей Малой Родиной (хотя я родился в г. Кустанае, но не жил там и года). И низкий поклон, и благодарность за моё становление как молодого человека, простому (и в тоже время – ох, какому не простому) уральскому казаку. И не только казакам, но и родителям-казачкам и конечно же моим сверстникам, и друзьям – детям казаков – казачатам – «детям войны», с которыми я рос, деля радости и огорчения того трудного, но и такого – счастливого времени. Мне несказанно повезло, что в начале жизни я попал в эти места – (реки Урал, Чаган и Деркул, леса и степи приуралья) – благословенные для любого мальчишки. Предлагаю Вам вместе со мной пережить эти мгновения и познать, пусть то небольшое, что сохранила моя память о том времени, людях и событиях, которые меня окружали тогда. Я сочту свою миссию выполненной – если, прочтя эти воспоминания Вы – мой читатель узнаете чуть больше об интереснейшем, самобытном и многострадальном народе – Уральских казаках в моём, пусть и безыскусном, но искреннем изложении.

В книгу вторую вошли так же рассказы – об охоте и рыбалке в Киргизии, Казахстане, в России и в некоторых странах Европы в период с 1961 до 1990 года, которые я провёл, живя в столице Киргизии – городе Фрунзе и потом живя в городе Таруса, с 1990 г. до сегодняшнего дня.

Автор

Уральск.

Мне б только знать отныне, навека,
Приняв в родню всю даль страны огромной,
Что – главное – останется река,
На берегу которой молвлю: – Дома!

Татьяна Азовская

Уральск! ... Это слово – произнесённое вслух – при мне, особенно из уст незнакомого человека, где – нибудь в пути, на вокзале, в аэропорте, в чужом городе, куда частенько заносила меня какая-либо нужда, даже в вечной повседневной суете жизни – всегда заставляет меня внутренне вздрогнуть. Так, наверное, вздрагивает пожилой уже человек, когда при нём, вдруг, кто-то посторонний назовёт фамилию, имя и отчество его матери или отца, которых давно уже – нет в живых...

И медленно приходя в себя, нахлынут широким, горячим степным потоком, воспоминания детства – самого счастливого времени твоей жизни.

Урал в среднем течении в ледоход, крушащий метровый лёд, поднимая с лёгкостью огромные льдины в высоких торосах заторов, его безудержный весенний разлив на Бухарскую сторону – на семь километров до Подстёпного.

В половодье, когда мы, уральские – пацаны, бросали все свои нехитрые дела и рвались на лодках в этот чарующий – сказочный мир воды и солнца. Стаи перелётных птиц в небе, редкие лесистые и степные островки, пока не покрытые водой могучей реки, но уже одетые нежной зеленью тальников, травы и такого вкусно-кислого щавеля, вырвавшегося, из-под земли на солнцепёке, нам – малым ребятам пятидесятих годов в после зимнюю усладу.

Три реки – словно обнимающие город, с Самарской стороны – дремлющий, почти стоячий, поросший камышом и кувшинками Деркул. Спокойный принявший в себя его воды тихий Чаган. И со стороны Бухарской – могучий, вобравший в себя их сонную силу, крушащий весной на стрежне высоченные яры и тихо отдыхающий на светло-жёлтых песчаных отмелях в летний межень – Урал. Седой и древний, внушающий благоговейное смирение не только, теперь уже тихим, степнякам-кочевникам калмыкам и казахам, но даже лихим и отважным Яицким казакам, защитникам юго-восточных рубежей России на протяжении веков – Урал – второй после Волги родитель Каспия.

Уральск – казачий, русский, губернский, весёлый, шумный и бесшабашный в дни праздников и гуляний, и до уездного – тихий, по – азиатски сонный в серые будни, особенно зимой, в лютые морозы со степным пронзительным ветром и свистящей – стонущей позёмкой – бураном. Уральск в летний зной с ветерком, со скрипящим на зубах «уральским дождичком» – степной пылью. И в тихие дни, когда на солнцепёке просто нечем дышать, а в степи за глоток холодной воды (я уже не говорю о прохладной, сочно – сахарной мякоти степного арбуза, извлечённого из ямы закрытой камышовым матом, из – под тени навеса на бахче) ты готов (прости Господи!)– душу отдать.

Вот когда, вспомнишь освежающие воды Урала, выходя из которых на горячий степной ветерок, и ещё больше остывая, до мурашек на коже, говорят: «Как заново родился!» И хочется, опять, лечь и зарыться в тёплый, чистый песок Урала, согреваясь его теплом и вдыхая, до боли знакомый и близкий запах (странно – вроде бы песок не пахнет) – аромат тепла родной земли – как вдыхает запах матери и её молока младенец, засыпающий на её груди.

Степная и луговая охота, и рыбалка с кострами, ухой и шулюмом под широким степным звёздным небом.

Михайловский – «Старый собор» на высоких ярах, словно парящий над Уралом, лесными и луговыми далями за рекой, до Подстёпного на горизонте и дальше над всей Бухарской степной стороной на сотни и тысячи километров, в глубины Азии.

И всё это – моя малая родина – уже за граница?!

Как это горько, как болит душа...

Таруса, 1992г.

Как дед Митрич меня плавать учил.

Представьте себе такую картину – город Уральск в пятидесятые годы, на Бухарскую сторону (левый берег Урала) в жаркий июльский полдень через уральский деревянный – свайный мост идёт ватага ребят от семи до десяти лет – все босиком, в трусах, до черноты загорелые, с выцветшими от яркого солнца волосами на голове. Ноги и руки поцарапаны колючими плетями ежевики, обожжены крапивой, на ступнях, щиколотках и голенях ног почти у всех «цыпки» – вечные спутники лета, когда часто выходишь из воды и кожа, высыхая на ветру, дубеет и лопаётся (и никакие мамины лечения, смазывание сметаной вечерами) не помогают – не успевают заживать. Носы у всех облупленные и красные от солнечных ожогов. Ватага доходит до середины моста – до баржи, которую разводят один раз в сутки для пропуска пароходов и буксиров с баржами гружёными лесом, гравием и другими стройматериалами или топливом (углем). И вот все начинают прыгать с перил баржи вниз по течению и плывут на пески бухарской стороны – поближе к ярам, где поглубже, а один пацан лет семи (не умеющий плавать) остаётся на мосту с вещами, отданными ему уплывающими со словами – например: «Мотри не потеряй курево и спички – у меня в кармане красной рубашки» (тогда – в послевоенные годы, мы – пацаны, к сожалению, начинали курить рано)

Тот оставшийся на мосту пацан с завистью смотрит на уплывающих товарищей и, понурив голову, идёт пешком к месту купания, неся в руках оставленные нехитрые пожитки уплывших товарищей. Этим – пацаном, (не умеющим плавать) – был я. И можно понять, как мне не терпелось научиться плавать и нырять как мои сверстники – уральские казачата. Но все мои попытки научиться этому «искусству» самостоятельно и с помощью моих друзей – детей казаков, не приводили к желаемым результатам. Не помогали и уроки моего отца, который хорошо понимал, что жить в трёхстах метрах от берега Урала и не уметь плавать мальчишке – в компании плавающих как рыба друзей ещё и опасно (каждый год в Урале тонуло много людей). Как он не старался – учил меня плавать, держась за короткую доску двумя руками и работая ногами, я научился быстро, но выпуская доску из рук – сразу шел ко дну и вдоволь хлебал уральную водичку ртом и носом.

Всё изменил случай, когда отец в конце мая уехал с театром на гастроли на месяц. Я наблюдал картину – как перевозчик дед Митрич (полное его имя – Евстафий Дмитриевич и нам было трудно его выговаривать) выловил и притащил на лодке к берегу очередного утопленника, всплывшего на поверхность реки, выговаривает своему сыну Ивану за то, что он до сих пор не научил плавать пятилетнего сына, (внука Митрича) – Пашку. Он грозился это сделать сам и я, набравшись смелости, попросил его и меня научить плавать.

– «А не боишься?» – спросил дед.

– «Боюсь» – сознался я.

– «Это хорошо, что сознаёсси, это Богом дано людям, бояться гнева Господня за непотребные дела людские, а за благие дела учись страх перебарывать в себе и Бог тебе в этом завсегда поможет. А скока же тебе годков – то?»

– «Семь»– ответил я

–«Давно пора! Вот завтрава к обеду приходи сюды и начнём – благословясь» – сказал дед.

Ночью я спал плохо, всё переживал – не ударить бы лицом в грязь перед дедом и главное перед пятилетним его внуком Пашкой. С утра уже был на берегу Урала, где была стоянка перевозчиков-лодочников. Деда Митрича не было видно. К обеду пришли на берег дядя Иван с сыном Пашкой и поздоровавшись со мной пояснили, что дед сейчас приплывёт с того берега – куда он отвозил женщин доить коров, пасшихся на Бухарской стороне и живших там вместе с пастухом, пока не наведут новый мост. Дед пообедает – и начнём учиться плавать. Через четверть часа появилась его будара, дед Митрич высадил на берег семь женщин с полными подойниками молока, и каждая налила по литру молока деду в ведро – плата за перевоз. Появилась, на берегу, жена Ивана и унесла семь литров молока в ведре деда домой. Она же принесла на берег деду обед. Здесь же – на бударе, вытащенной на берег, дед и устроился обедать и, отобедав, пригласил нас сесть в будару. Перед отплытием дед поинтересовался – умею ли я смотреть под водой, я с удивлением спросил:

«А разве можно под водой открывать глаза и смотреть?»

«Не токмо – можно, но и – д'олжно, а – то ты как с закрытыми зенками мырять – то будешь, где дно, а где небо как под водой отличать станешь? Ну да это не бяда, это мы быстро поправим»

Он выгнал нас с Пашкой из будары и тут же зайдя в воду по пояс позвал нас к себе поставил друг против друга и сказал, чтобы мы взялись за руки, потом вздохнули – поглубже и, задержав дыхание, присели так чтобы глаза оказались под водой. По команде деда нужно открыть глаза и посмотреть друг на дружку под водой. Так мы и сделали, труднее всего, оказалось, заставить себя открыть глаза под водой. А потом мы с Пашкой смотрели друг на друга под водой и делали «рожи», гримасничая и так нам это понравилось, что дед еле остановил нас сказав:

– «Ну, хватит шалопутить, поплыли главным делом заниматься – учиться плавать значит.» Отплыли вчетвером – дед, дядя Иван, Пашка и я. Дед сидел за кормовым веслом и направил лодку в залив перед песчаной косой, в этом месте течение было не таким сильным, но глубина была приличной метра 2-3. Лодка остановилась и медленно дрейфовала по течению. Дед снял штаны и остался в белых кальсонах с завязочками, а дядя Иван был уже в одних трусах, и дед начал давать последние советы как надо вести себя, когда мы окажемся в воде: «Перво – наперво перед тем как в воду сигать, наберёте побольше воздуха в грудя и затаите дыхание, а как окажетесь в воде бейте руками и ногами што б значит на воде удержаться и варку (голову) держите повыше чтобы мурло (лицо) над водой было, а мы с Иваном вас подстрахуем ежели топнуть вздумаете».

Я подумал, как же я смогу прыгнуть в воду – ведь я точно знал, что плавать не умею. Но все оказалось гораздо проще – дед взял меня в охапку и с криком – «вдохни глыбже и не дыши» – бросил меня за борт. Попав в воду и погрузившись с головой, я отчаянно замолотил руками и ногами и вдруг понял, что не тону, а всплываю. И дед Митрич кричит и машет мне руками:

– «Плыви ко мне»

И я поплыл и ухватился за руку деда, которую он протянул мне через борт и держал меня над водой, только тогда я выдохнул воздух. То же самое, оказывается, дядя Иван проделал с Пашкой. Нам помогли забраться через борт в лодку, мы сидели, смотрели друг на дружку, и я видел на Пашкином лице и недавний ужас, и изумление одновременно – ведь мы сами, как не

странно, выплыли и не утонули. Испуг прошёл, и я задумался, что же произошло. Дед Митрич подсказал мне – то, о чём я сейчас думал:

– «Пока ты из себя воздух не выпустишь ты как, к примеру, говно в проруби – не потонешь»

Мы с Пашкой скривились от такого сравнения, видимо, сравнение деда нам явно не понравилось, и дед поправился: – «Али вернее, как наплав (поплавок) на удочке – не утонешь, но ты же не сможешь не дышать вечно – так что вы ноне, получили, токмо – первый урок как не потонуть на краткое время, а таперича, пойдём учиться дальше»

Пока мы приходили в себя, лодку снесло течением к песчаной косе, и она остановилась, коснувшись дном песчаной отмели. Дед спросил:

– «Ну, очухались – маненько? Вылазь, и пошли далее»,

И мы через борт ступили на отмель, глубина была ниже колена, дед зашёл вглубь реки по грудь и сказал:

–«А таперича, ходи ко мне и заходи в глыбь – по грудь, значит, развернись мурлом к берегу, делай вдох и затаив дыхание плывите к берегу наперегонки»

Мы с Пашкой так и сделали, сначала барахтаясь руками и ногами в воде и поднимая тучу брызг пока нехватка воздуха не заставила меня остановиться и опустить ноги на дно, ноги мои коснулись дна коленками, и только потом выпустить воздух и вдохнуть. Мы самостоятельно «проплыли» порядка пяти метров. Понравилось! И принялись за повторение урока и так в течение получаса, сопровождаемые одобрительными улыбками деда Митрича и дяди Ивана пока я не ухитрился улучшить момент и вдохнуть в паузе между гребками, когда лицо было над поверхностью воды – а я уже приноровился работать руками, гребя ими «по собачьи». И тогда я поплыл вдоль берега, где было мелко и можно было встать на дно примерно по грудь. У Пашки силёнок было поменьше, сказывалась разница в возрасте (два с половиной года) и он никак не мог приспособиться – вдыхать между гребками воздух, и когда нужно было выдохнуть и вдохнуть свежий воздух, ему приходилось останавливаться и вставать на дно. Дед Митрич заметив, что Пашка – устал, сказал:

– «Баста. Залезайте оба в будару отдыхайте, на севодни – всё. Таперича всё зависит от вас самих, скоко будете плавать и силёнок копить так и плавать будите, а уральский казак должен плавать не хуже «чехни» (рыба чехонь), да смотрите не плавайте по – одиночке, держитесь вместе али в кумпании дружков, которые уже хорошо плавать и мырять могут и подсобят ежели чего»

Сели в лодку и вернулись к месту стоянки перевозчиков. Тут глубина начиналась сразу от берега и места, где можно было продолжать занятия, не было. Поблагодарив деда Митрича за учёбу, я отправился искать своих друзей, которые по времени должны были купаться на песках бывшего Валькова острова вблизи старого Михайловского собора. Там я их и нашёл, и сразу продемонстрировал, чему научился у деда Митрича. Они были удивлены и сразу стали мне показывать, кто что умеет и давать советы.

В общем, за месяц ежедневных занятий я заметно окреп и уже неплохо плавал и брасом, и на боку, и саженками (только на спине не получалось – в уши попадала вода). Научился – и нырять, задерживая дыхание на полминуты и на дальность, и на глубину (надо было достать со дна горсть ила или песка и, вынырнув показать товарищам), но Урал переплывать я ещё боялся.

Когда через месяц отец вернулся в Уральск с гастролей, меня так и подмывало сказать ему, что я уже научился плавать, но я выдержал и дождался его предложения пойти купаться. И вот мы с ним идём, через вновь наведённый уральский мост, на Бухарскую сторону – на пески, отец несёт дощечку, чтобы продолжить моё обучение плаванию, дойдя до середины моста, входим на разводную баржу и тут я снимаю майку и прошу его подержать её. А сам, не говоря ни слова, заскакиваю на перила ограждения баржи и ныряю вниз головой в воду и, задержав дыхание, выныриваю метрах в двадцати – ниже по течению. Оглядываюсь и вижу отца, кото-

рый стоит, вцепившись руками в перила на том месте, где я нырнул и смотрит в воду, а лицо у него блее мела. Когда я вынырнул и поплыл к берегу, крикнув отцу, что я его буду ждать на нашем месте (где мы с ним обычно купались). Вылез на берег и, зарывшись в горячий песок – жду отца, который идёт ко мне, неся на плече полотенце, в руках у него моя майка и доска для обучения плаванию. Дышит тяжело, лицо покраснелось от быстрой ходьбы, и тут только я подумал о больном сердце отца. И мне стало совестно, что я не предупредил отца о своём умении плавать. Отец посмотрел на мост и, оценив расстояние, которое я проплыл, сказал:

– «Молодец! Меня чуть «кондратий не хватил», когда ты – сиганул с баржи» – хмуро сказал он

– «Предупреждать же надо»– и, наконец, улыбнулся.

Я понял, что прощён и тут же, стал показывать отцу всё – чему научился за месяц. Он сидел на песке и блаженно улыбался, потом встал, взял в руку, теперь никому не нужную дощечку, и широко размахнувшись, забросил её далеко в воду. Мы дружно захохотали, чем смутили проходившую мимо нас молодую женщину, и она ещё долго шла, оглядываясь на нас. Но мы смотрели с отцом друг на друга и продолжали хохотать – нам было хорошо – мы были счастливы.

Таруса 2016 г.

Оружие уральских – пацанов и цыганский табор.

Наша – ребячья ватага (человек 6– 8) в Уральске состояла из детей коренных Уральских казаков – казачат и детей, приехавших в Уральск родителей из разных городов Советского Союза. Основу ватаги составляли дети казаков. Мне пришлось долго утверждаться в роли полноправного члена ватаги как пришлому, и поверьте, это было – не просто. В нашей ватаге командовали вначале три казачка – Юрка Юдин, Пашка Котов и Сашка Сайгаков старше меня на два – три года. Это были физически крепкие ребята и я, конечно, проигрывал им в силе, но в ловкости и смекалке им не уступал. В это время (начало пятидесятых) нашими постоянными играми были – игры в футбол, «в войну», «клёк» (разновидность игры в городки, но с перебежками) и, конечно, в Тарзана и охотников (тогда трофейные фильмы про Тарзана только появились на экранах кинотеатров). Основным местом наших игр были берега и леса вдоль берегов рек Урала и Чагана и пустыри вблизи домов. И, конечно же, рыбалка – ей отдавалось очень много времени. Времена были полуголодные и рыба, которую мы ловили – шла на скудные столы в семьи.

Для игр в «войну», в мушкетёров, в Тарзана и охотников нужно было «оружие» начиная с палок – сабель, рогаток, луков и кончая самопалами – «поджигами», заряжаемыми измельчёнными головками спичек. В качестве снаряда использовались кусочки свинца или дробь (если её удавалось достать) или стальные шарики от маленьких отработавших своё шарикоподшипников. Для изготовления стволов – «поджигов» нужны были медные толстостенные трубки, за которыми мы ходили на «кладбище паровозов» вблизи депо железнодорожного вокзала и откуда нас нещадно гоняли сторожа, охранявшие его. Трубка аккуратно выпрямлялась и с одного конца расплющивалась молотком, а переход от цилиндра – к расплющенной трубке, заливался расплавленным свинцом, и трубка загибалась под прямым углом и укреплялась в деревянном теле – пистолетной формы. Потом в полусантиметре от залитого в торец свинца делался пропилен – отверстие для запала, куда доставала головка целой спички, закреплённой на стволе. Заряжались поджиги измельчёнными головками спичек, на один заряд уходило с половиной коробка спичечных головок. Под головку закреплённой спички в отверстие запала засыпался, с горкой – порошок (из измельчённой спичечной головки – «серы»)– затравка. Когда нужно было стрелять, коробком спичек сверху делается – «чирк» по головке, закреплённой над затравкой спичке – головка загорается, поджигая затравку, и происходит выстрел. «Поджиги»

делали и двуствольными. Они стреляли метров на десять мелкой дробью, о точности стрельбы говорить не приходилось – попасть в коробок спичек можно было метров с двух – трёх, да и то не всегда. Иногда медные трубки – стволы заливали по верху, с боков и снизу – свинцом для придания им прочности, но, когда вместо спичечных головок – использовали дымный порох, они частенько раздувались и разрывались. У меня, с той поры есть шрам над правым глазом – в брови, с сантиметр длиной, от осколка медной трубки разорвавшегося ствола поджига (ещё бы на сантиметр ниже и левее, я лишился бы глаза). Взрослые нас ругали и отбирали поджиги, но мы тайком продолжали это своё – «чёрное» дело.

А однажды, когда случилась автомобильная авария – грузовик наехал на толстую – высокую трубу, зачем – то закопанную, напротив продмага на углу улиц Плясунковской и Пугачёва и согнул её под прямым углом в полуметре от земли, нашей ватаге на ум пришла – идея. А почему бы не сделать из неё – огромный – «поджиг». Идея понравилась и мы – по ночам, пропилили напильниками отверстие для запала и засыпали в трубу полкоробки чёрного пороха, который я «позаимствовал» из отцовских охотничьих запасов. С помощью длинной палки, мы плотно запыжили порох куском кошмы. Работу проводили по темноте – ночью, чтобы наши приготовления не заметили взрослые. Сначала – было предложение зарядить «орудие» камнями, но я был категорически – против. Решили не рисковать, и сделать – холостой выстрел, чтобы избежать «жертв». Труба, была открытым концом, направлена в кирпичный забор через улицу. Но как поджечь запал? Ведь мы не были уверены, что наше «орудие» не разорвёт при выстреле, и нужно было поджечь запал, находясь на безопасном расстоянии от «орудия».

И мы придумали – пропитали верёвку (длиной – пять-шесть метров) керосином. Проверили – заранее, сколько времени займёт пока огонь по верёвке, зажжённой, с одного конца, – доберётся до другого. Получилось около двух – трёх минут, этого хватит, чтобы отбежать и спрятаться в соседнем дворе, где жил один из наших друзей.

Так вот в один из субботних дней – с утра пораньше, когда движения по дороге было мало, только у магазина выстроилась длинная очередь – привезли свежее мясо и ещё горячий хлеб. Ватага занялась отвлечением людей, стоящих в очереди, для чего затеяли вблизи какую – то игру с шумом и криками. А один пацан – с мотком верёвки, пропитанной керосином, незаметно подошёл к трубе и, заправив конец верёвки в заранее – заготовленную петлю из проволоки так, чтобы конец касался затравочного отверстия, заполненного дымным порохом. Потом, растянув верёвку по земле, дал нам знак – свистом, и мы, закончив игру, нарочито медленно удалились за угол, где лежал второй конец верёвки. Подождали, пока очередь успокоилась, после нашего ухода, подожгли конец верёвки и скрылись во дворе соседнего дома, где сразу же затеяли игру в «клеек» с шумом и криками, чтобы нас заметили взрослые, а я отошел к забору и в щель наблюдал за горящей верёвкой и трубой «орудия».

Прошло минуты две и наше «орудие» громоподобно – «рвякнуло», выпустив в воздух не только огонь, но ещё и облако сизого дыма. Очередь – с бабьим визгом разбежалась, кто куда, оставив распластавшихся на земле двух стариков – казаков, закрывших голову руками, видимо, вспомнивших свою боевую молодость под артиллерийским обстрелом на полях сражений – ещё в первую мировую войну. Кто – то вызвал милицию, и она приехала, опросив свидетелей и убедившись, что жертв нет, принялась осматривать наше «орудие», сильно раздутое после выстрела, а мы им «помогали» предварительно выдернув обгорелую верёвку и спрятав её в трубу водосточной канавы. В общем – всё обошлось, если не считать «жертв», проезжавшего мимо на телеге продавца горшков и крынок. Они – во множестве посыпались с телеги и разбились в дребезги, когда лошадь понеслась по кочкам от испуга. А мы, уйдя с «места преступления», на берег Урала, ещё долго веселились – вспоминая – как это было. Договорились – если будут спрашивать, молчать или отвечать, что мы ничего не знаем, – мол, мы и сами перепугались – до смерти, когда – «Это – грохнуло!», а мы играли во дворе в «клёк». Но никто не спрашивал – не верили, что такое могли сделать маленькие – пацаны (определённо – хули-

ганила молодёжь постарше). Трубу потом выкопали и увезли в милицию, как вещественное доказательство, и она долго ещё там валялась – во дворе милиции, напоминая нам о нашей проделке.

Делали и самодельные луки из вязовых веток без их ошкуривания длиной в наш рост. Стрелы делали из сухого ровного стебля рогоза, оснащая их наконечниками, сделанными из треугольного куса консервной банки и свёрнутыми длинным конусом (кульком). Острый конец – затачивался напильником до острия иголки, крепился наконечник к стреле с помощью столярного клея. Это было уже серьёзным оружием, стрелявшим на расстояние тридцать – сорок метров и за счёт острого металлического наконечника, наносившего серьёзный урон цели, в которую они попадали. Охотничьими трофеями были воробьи, вороны и изредка дикие голуби, куропатки и крупные кулики, водившиеся в изобилие по берегам рек и озёр. Воробьёв для насадки на крючки перемётов – на сомовью рыбалку мы стреляли чаще всего из рогаток, мелкими камешками, собранными на берегу Урала. Их перед насадкой обжаривали на костре и чего греха таить часто сами ели их довольно вкусное и нежное мясо, когда воробьёв было добыто больше, чем требовалось для насадки. На рыбалку, мы – пацаны, часто выезжали на лодке с ночёвкой – с кострами и ухой из пойманной нами рыбы и запечённой на углях картошкой, а если повезёт – то и голубями, куликами и редко – куропатками. А ведь нам было тогда лет по семь – десять и родители не боялись нас отпускать из дома одних. На вопросы соседей – казачек – не боится ли она отпускать меня – малолетку с ночёвками на рыбалку, моя мама спокойно отвечала: – «Под стеклянным колпаком из мальчишки не вырастить – нормального мужика! Если «царь в голове есть»» ничего страшного не случиться, а если нет – никакая опека не поможет!»

Осенью, когда через уральный мост потянутся подводы и грузовики – доверху нагруженные арбузами и дынями – на базар. Переезжая мост – грузовики и телеги вытягиваются в шеренгу (мост однопольный и порядок въезда на него регулируется – самими участниками движения), что всегда сопровождается спорами и ссорами. Машины и телеги движутся – медленно и это давало нам – пацанам, – возможность воровать арбузы и дыни с проезжающих по мосту машин. Да и воровством это не считалось. Ребятней «доблестью» – да! Телеги мы не трогали потому, что возница мог достать «грабителя» кнутом. Техника «грабежа» такова – пока один из нас перебегает поперёк моста перед едущей медленно машиной, заставляя шофёра тормозить и отвлекая его внимание от наблюдения в зеркало заднего вида, что делается сзади, другие – пацаны залезают через задний борт в кузов и, схватив арбуз или дыню, кидают их через перила моста в реку. Потом и сами прыгают в реку с моста и плывут, за уплывающими по течению реки арбузами и дынями. Выплывая по течению на отмель Валькова острова, собираются вместе и принимаются за пир – съедают эти такие вкусные – арбузы и дыни на глазах у людей, находящихся на мосту в 200 х метрах. Уральские коренные казаки относятся к этому – «разбою» терпимо, говоря с усмешкой:

– «Озарничают – пацаны!»

Арбузов и дынь везут многие тысячи, и урон от этих набегов не большой – вместимость ребячьих желудков ограничена, а запастись впрок или на продажу было не принято по негласному мальчишескому – кодексу (считалось – западло). И казаки только усмеваются или хохочут, когда особо ловкий малец исхитряется бросить в реку сразу по два арбуза или дыни и потом ловко прыгает прямо с борта машины через перила моста в реку головой вниз, избегая поимки. И тогда казаки, расщедрившись, дают со своей телеги малым ребятам, не участвовавшим в набегах и просто находящихся на мосту, арбуз или дыню. А на шофёра, открывшего дверцу машины и громко проклинаящего похитителей сыплется с издёвкой: – «Жмот! Арбуза (дыни) пацанам – пожалел? Сквалыга!» Весной после разлива, когда Урал входил в привычные берега на Бухарской стороне напротив Уральска, появлялись кочевые – цыгане. Кочевники останавливались табором со своими кибитками, шатрами и лошадьми до конца

лета (в СССР указ об оседлости цыган вышел только – 5 октября 1956 года). Среди кочевников – цыган этого табора были хорошие кузнецы, и уральские казаки их ценили и охотно несли им на починку старые замки, лемеха и бороны. Заказывали у цыган и подковы – для лошадей, кованые топоры, мотыги (тяпки), ломы, пешни, решётки и засовы. С приездом цыган нас – пацанов, так и тянуло к ним на костры и песни, к лошадям, на которых цыгане давали нам покататься. Уральские казаки относились к цыганам терпимо, зная точно, что где они живут – там не воруют и не хулиганят. А цыганки с детьми пропадают в городе – на базаре, где зарабатывают на жизнь гаданием на картах и по линиям на ладони (к староверам они не подходили – зная, что они им не «клиенты» и могут и наказать за навязчивость). Промышляют и продажей сшитых и сделанных ими же носильных вещей – платьев, платков, изделий из металла и украшений из монет, серебра и золота. Цыгане, в отличие от казахов, рыбу – ели и казаки часто, расплачиваясь за работу кузнецов – частично рыбой и металлоломом, рыба шла в пищу цыган, а металлолом использовался кузнецами как сырьё для изделий. Однажды утром я рыбачил на Бухарской стороне и ко мне подошёл маленький цыганёнок и, присев на корточки, – молча и долго, с интересом наблюдал за моими действиями во время лова. Я прервался, чтобы перекусить и угостил его рыбным пирогом, который мне дала мама, провожая меня на рыбалку. Он, с аппетитом, съев кусок пирога, попросил меня показать, как правильно привязывать крючок к леске. Я показал ему несколько различных узлов привязки крючка к разным лескам – из «жилки» (прозрачный монофильный нейлон) и плетёного капронового шнура. Но он сказал, что у него нет «жилки» и я дал ему метров пять – десять «жилки» диаметром 0.5 мм. – из своих запасов. Он удивился такой щедрости и сказал, что пойдёт и спросит своего отца – можно ли взять такой дорогой, как ему казалось, подарок. Ушел в табор и вернулся с отцом, который был лучшим кузнецом в таборе – дядей Иваном (он даже делал кованые амбарные замки). Так мы с ним и познакомились. Первое, что он спросил – не украл ли его сын леску у меня. Я ответил, что это мой подарок его сыну и прибавил ещё и три крючка разного размера, объяснив на какие – крючки, какую рыбу, можно ловить и на какую насадку. Сын дяди Ивана – Вася так благодарил меня, как будто я преподнёс ему драгоценности. А дядя Иван тоже поблагодарил меня за подарки и пригласил приходить к нему – в кузницу, чему я был несказанно рад. Мост через Урал ещё не был наведён и за мной – пришла лодка, чтобы перевезти меня домой на Самарскую сторону, и мы расстались с цыганами. Через два дня я собрался в табор, чтобы посмотреть, как работает кузнец – дядя Иван. Друзья перевезли меня через Урал и, спросив, когда я буду возвращаться, уплыли назад, договорившись, что я дам знать им (криком или свистом), когда мне нужно будет вернуться домой. Не успел я подойти к табору как показался мой новый знакомец – цыганёнок Вася и сразу похвастался мне, какую рыбу он сам поймал на моём месте на новую снасть. Пришли в отдельно стоявшую палатку, где оказалась кузня дяди Ивана – с самодельным горном, сложенным из огнеупорного кирпича с мехами для раздувания угля и большими чурбаками на, которых были закреплены большие тиски и большая – наковальни. На красивой – кованой подставке, стоящей на земле – висели разного размера – щипцы, клещи и ножницы для металла, а рядом на большом столе лежали в рядок – большие и малые кузнечные молоты, и молотки. Около наковальни стояла большая бочка с водой для охлаждения и большая банка с маслом, для закалки готовых изделий. Было и точило – большого диаметра точильный камень с ручным приводом в виде кривой ручки.

На красивой – кованой подставке, стоящей на земле – висели разного размера – щипцы, клещи и ножницы для металла, а рядом на большом столе лежали в рядок – большие и малые кузнечные молоты, и молотки. Около наковальни стояла большая бочка с водой для охлаждения и большая банка с маслом, для закалки готовых изделий. Было и точило – большого диаметра точильный камень с ручным приводом в виде кривой ручки. Дядя Иван со старшим сыном – Сашей в это время ковали малый лемех. Я заворожённо смотрел – на раскалённый металл, как он сыплет искрами и меняет форму под ударами молота.

Дядя Иван никогда не пускал посторонних в кузню, когда он работал, но мне он сделал исключение из правил и даже давал пояснения к тому, что делали они со старшим сыном. От него я узнал, до какого – цвета нужно разогреть – тот или другой металл, прежде чем начинать его ковать. Узнал я и технику сварки двух кусков металла ковкой. И даже попробовал поработать малым молотом. Он ударял маленьким молотком в нужную точку на раскалённом металле, лежащим на наковальне, а я изо всех сил ударял в это место малым молотом – видя, как металл изменяет форму после моего удара. Увидел и как работают меха, подавая кислород в горящие угли горна, и как металл меняет цвет при разогреве. Кузнец выковал цветок в виде розы из металла и просил передать моей матери её в качестве его подарка. Всё мне в кузне было интересно, и я задавал множество вопросов, на которые кузнец охотно отвечал. Я заметно устал – малый молот был достаточно тяжёл для меня – малого пацана, и кузнец, заметив это, сказал:

– «Хватит! А то ты завтра – не сможешь рук поднять! Пойдём – ка к лошадям. Ты умеешь сидеть на лошади верхом?» Я ответил, что умею.

– «Тогда пойдём – посмотрим, как ты – это умеешь!» – И мы, умывшись, пошли в загон к лошадям. Цыганёнок – Вася сразу забрался на вороного коня и поскакал по кругу загона галопом.

– «Так смогёшь?» – спросил дядя Иван. Я замотал головой – «Нет! Так – не смогу!»

– «Тогда начнём с самого начала!» – промолвил кузнец и стал показывать, как нужно садиться на лошадь, как нужно держать уздечку левой рукой и ровную спину, как давать «шенкеля» голыми пятками управляя лошадью. В общем, за час занятий я усвоил азы верховой езды, и в конце занятий мы с Васей даже самостоятельно – верхом съездили на берег Урала напоить коней и искупать их. День клонился к вечеру, цыгане стали разводить костры и готовить обед, а мы пошли в шатёр дяди Ивана – сделанного в виде большой круглой палатки с центральным опорным шестом, где нас встретила жена кузнеца тётя – Лала (цветок тюльпана). Мы сели перекусить домашними лепёшками, супом свекольников, тушёным мясом с рисом и чесночным соусом с брынзой, на десерт подали сдобные пирожки с медовой начинкой и крепко заваренный чай, нам – детям тётя Лала налила в чай молока. Осмотрелся, шатер изнутри обвешен яркими коврами с отгороженной занавеской кроватью для хозяина и хозяйки там же висит ковкая – люлька с младенцем и иконостас с иконами и тлеющей лампадой. По краю шатра на возвышении широкая постель, где спят, видимо, в рядок дети, укрытая стёганными тоже яркими одеялами. Посередине – шатра круглый низенький стол, за которым мы сели обедать, свернув ноги калачиком, у входа в шатёр печь – «буржуйка» с трубой, выведенной наружу на, которой стоит большой самовар. На полу кошмянный ковёр и дополняет обстановку большой сундук – окованный металлом, стоящий у изголовья хозяйской кровати. Всё чисто убрано, везде – порядок. Семья у дяди Ивана большая – восемь детей, из которых – двое старших сыновей живут отдельно со своими семьями в своих шатрах, стоящих рядом. Отобедав, выходим из шатра в табор, где начинаются приготовления к празднику – дню рождения старейшины рода – дедушки Якова – ему сегодня исполнилось 80 лет. По этому случаю у большого костра расстелили большой брезент, на который постелили яркие ковры – ведь соберётся весь табор. И каждая семья несла свои закуски приготовленные для этого праздника. Появилось и красное вино в глиняных кувшинах.

Вечерело, но мне не хотелось уезжать домой – не, посмотрев праздника цыган в таборе, и я остался – будь, что будет. Весь табор пришёл к костру и столу, одев – праздничную одежду. Женщины – цыганки и девчонки были одеты в яркие платья, на шее монисты из серебряных и золотых монет, пальцы и кисти рук украшали золотые и серебряные кольца и браслеты, на плечах яркие платки и шали. Мужчины и мальчишки – цыганята одели красные, синие, зелёные вышитые рубашки – подпоясанные ремнями отделанные серебром или шёлковыми витыми шнурами с кистями на концах. На ногах хромовые сапоги – в, которые заправлены шаровары чёрного, синего или иного цвета у некоторых мужчин на поясах ножи в ножнах украшенных

серебром. Волосы у большинства цыган черные и кудрявые, но были и светлые, и рыжие, у взрослых мужчин – бороды и усы, у молодых только усы. В ушах многих мужчин серебряные или золотые серьги, на пальцах рук большие и малые золотые или серебряные перстни. Появились и гитары, украшенные яркими лентами. Все уселись на ковры вокруг импровизированного «стола» – освещённого светом костра. Произносятся первый тост за новорождённого – все встали, цыгане говорили на своём немного гортанном языке, а мне переводил на русский цыганёнок – Вася. Виновник торжества – дедушка Яков (одетый в гимнастёрку с боевыми орденами и медалями) поблагодарил собравшихся за тёплые поздравления и предложил выпить за здоровье хозяев здешних мест – уральских казаков, которые позволяют им – цыганам останавливаться здесь – вблизи Уральска поставить табор на берегу Урала и пожить здесь всё лето. После тостов, закусив цыгане, взяв гитары, запели. Меня поразило то, что все песни были – грустные так непохожие на то, что мы привыкли слышать на концертах цыганских коллективов. И только, когда начались весёлые пляски – я услышал привычную цыганочку и заздравную песню – в честь, приплывшего из Уральска на день рождения к дедушке Якова – старейшины здешних мест – деда Петра. Коренного уральского казака, полного Георгиевского кавалера (награждённого до революции четырьмя Георгиевскими крестами всех степеней – полный бант). Они знали друг друга ещё по Великой Отечественной Войне, когда сражались вместе в коннице Доватора – в разведке. Он привёз подарок от уральских казаков – большой кинжал в красивых ножнах и дедушка Яков, полюбив его, поцеловал лезвие кинжала, обнял и расцеловал троекратно деда Петра.

Привёз он и неприятное известие о том, что готовится Указ об оседлости цыган, обязывающий прекратить их – кочевую жизнь, но дедушка Яков просил Петра не говорить об Указе – всем, чтобы не портить сегодняшний праздник. Они долго ещё шептались, обсуждая эту новость, но настроение дедов было испорчено и они, вскоре – удалились в шатер Якова. Песни и пляски продолжались, и цыганёнок Вася под гитарную музыку выдавал чечётку вместе с цыганками, которые в такт музыки трясли плечами, заставляя – монисты на груди звенеть. А я, вернулся домой вместе с дедушкой Петром на пришедшей за ним лодке, переполненный впечатлениями от дня, проведённого в цыганском таборе. Дед Пётр всю обратную дорогу сокрушался и жалел цыган, привыкших веками к кочевой – не лёгкой жизни, и приговаривал:

– «Вот и до цыган добрались и им – как и уральским казакам в своё время – жисть через колено ломают!»

В таборе продолжали веселиться, не зная ещё о новом Указе, готовом в корне изменить жизнь кочевых – цыган. Мне, тогда этого было не понять, но и я загрустил – понимая, что уже скоро таборы перестанут приезжать на лето на берега Урала, но в том году я часто бывал в таборе и очень подружился с семьёй дяди Ивана. Через месяц кузнец выковал легкий лук из рессорной стали и подарил мне на день рождения, он отлично стрелял на расстояние до семидесяти метров, и я этим луком долго пользовался и очень им гордился. Таруса, 2017 г.

Один день уральского пацана

Проснулся рано, по тёмному (сегодня я с утра решил порыбачить), но не открываю глаза – зная, что мама разбудит вовремя, когда пойдёт давать запарку борову. И действительно через минуту слышу – знакомое: – «Вадюшка – сынок, вставай, а то всю рыбу проспичь!»

Рывком поднялся с постели и выскочил в тёмный двор, посмотрев на восток, отметил про себя, что небо на востоке уже посветлело и через час взойдёт Солнце, побежал в уборную. Уборная (выгребная) в углу двора – типа «сортир», где, подходя нужно громко спрашивать: – «Есть кто-нибудь?» и только не получив ответа можно заходить. Но мне навстречу из уборной вышел сосед снизу – мой товарищ по ватаге – Сашка Сайгаков. В это время во дворе появляется его мать тетя Нюра и, не видя его в темноте, громко кричит: – «Ляксандра, слетай – ка по воду

в колодец, а то вода в бачке кончилась» – это она даёт задание моему другу Сашке Сайгакову наносить воду в большой пятидесятилитровый бак. Сашка отвечает ей довольно грубо:

– «Чаво разбазлалась! Слышу я, стяс сгоняю, дай только вёдра, да сразу два давай и без коромысла, а то с одним я проваландаюсь долго»

«А, иде я табе другое – то найду, другое – то занято опарой для хлебов. Ни чаво – не развалисси натаскаешь одним, али у дружка сваво – Вадьки сприси, у них этого добра много».

Дал Сашке чистое ведро и, взяв с вечера заготовленные удилища и наживку (навозных червей и распаренную кукурузу), пошёл к дому, Сашка с завистью в голосе спросил: – «Чё, рыбалить собираесси?» Я кивнул ему головой и предложил пойти на рыбалку вместе. Он огорчённо сказал:

– «Да, пойдёшь тут! Отец на косьбу свежей травы на Бухарску наладился и меня берёт с Пашкой (младшим братом). Ладно, до вечера, потом про рыбалку расскажешь». Оставляю удочки у крыльца и захожу в кухню, где мама должна накормить меня завтраком, но время поджимает – и я говорю: – «Мам, – опаздываю, заверни мне завтрак в бумагу – на берегу поем! А в термос я сам чай заварю». Собравшись, беру сумку с завтраком, китайский литровый термос с чаем и удочки с мешочком червей и распаренной кукурузы и быстро бегу на берег Урала к пристани, где под ярами выше по течению от строившегося моста есть глубокая яма, в которой всегда есть крупные сазаны, судаки, лещи и сомы. Проходя мимо стоянки перевозчиков, здороваюсь дежурившим с ночи перевозчиком – дядей Ваней Бегунком, он ждёт женщин, чтобы перевезти их через Урал на утреннюю дойку коров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.